

Но в тексте „Истории“ младшей редакции следует отметить и такие изменения, которые нельзя относить за счет сознательной работы редактора. Так, очевидно, вследствие какой-то случайности в списках этой редакции, как правило, нет цитаты из „Видения Даниила“, нет заключения и послесловия. Есть определенные основания утверждать, что в старших списках этой редакции, если не все эти части, то во всяком случае цитата из „Видения Даниила“ была. Ясное представление об этом создает список, принадлежавший С. В. Максимову.¹ Это поздний и дефектный список данной редакции. Он относится к XVII веку. В нем нет первой части — рассказа об основании Константинополя. Но он замечателен тем, что, как и в старшей редакции, в нем вслед за ссылкой на Григория Схолая идет цитата из „Видения Даниила“. Следует учесть и данные списка БАН, 31.4.21 (Толст. 49), XVII века, в котором также встречается упоминание о „последнем видении Даниила“, хотя сама цитата и не приводится. Таким образом, само собой отпадает необоснованное утверждение Г. П. Бельченко, М. Н. Сперанского и других, что в редакции, представленной списком Троице-Сергиевой лавры, цитата из „Видения Даниила“ является вставкой. Она была как в старшей, так и в младшей редакции „Истории“ и, очевидно, восходит к авторскому тексту. Во всяком случае ее отсутствие в большинстве сохранившихся до нашего времени списков младшей редакции не может поколебать авторитет текста старшей редакции как текста цельного, некомпильтивного, лишённого позднейших вставок и дополнений.

Такое же значение в этом вопросе имеет и то обстоятельство, что во всех списках младшей редакции нет краткого заключения и послесловия. Сомневаться в наличии послесловия в „Истории“ в ее начальном виде, это значит не признавать его подлинности. Но для этого нет никаких оснований. В научной литературе об „Истории“ никто, кроме А. И. Соболевского, совершенно бездоказательно отвергнувшего послесловие, не высказывал сомнений в его подлинности и в правдоподобности сообщаемых в нем сведений о Несторе Искандере. Наоборот, не только общие соображения, но и детальные сопоставления „Истории“ с сочинениями Франдзи, Дуки, Халкокондила, Кривовула и других авторов, писавших о падении Константинополя, создали в русской науке прочное представление об авторе „Истории“ как об очевидце совершавшихся событий, ближе и точнее других изобразившем действия турок и то, что происходило в их лагере. Еще в конце прошлого века П. Д. Погодин в своей статье „Обзор источников по истории осады и взятия Византии турками в 1453 году“, сопоставляя „Историю“ Нестора Искандера с напечатанными к его времени источниками о падении Константинополя, писал: „При сличении же с вновь изданными памятниками той эпохи, мы можем указать многое, что увеличивает, а не умаляет историческое достоинство повествования Искандера“.² Таким образом, можно считать признанным, что содержание „Истории“ не противоречит тем автобиографическим данным, которые Нестор Искандер сообщает о себе в послесловии, а, наоборот, подтверждает их правдоподобность. Особенности же изложения послесловия, как мы видели, тесно связывают его с другими частями „Истории“ в ее старшей редакции. Отсутствие же его, равно как и краткого заключения,

¹ В. Яковлев. Сказания о Цареграде по древним рукописям. СПб., 1868, стр. 56—116.

² ЖМНП, 1889, т. VIII, стр. 249.